

о некоем помещике, ее соседе, который узаконил своих детей, женившись на их матери, он, Санси, заявил ей в лицо: «Все это годится для дворянина с пятью-шестью тысячами наследственного дохода, а вот зайдя речь о королевстве, той женщине никогда бы дела не сладить, в бастард всегда останется сыном шлюхи». Слова эти были, по правде говоря, несколько неучтивы; но Королю надлежало бы принять в соображение, что г-н де Санси человек порядочный и оказал ему множество важных услуг. Он на собственный счет нанял Швейцарцев и привел большой отряд их в распоряжение Генриха IV.² Умер он в бедности, с запретительным постановлением³ в кармане. Не раз случалось, что его забирали стражники; он давал им довести себя до ворот тюрьмы, затем предъявлял свое запретительное постановление и глумился над ними.*

Г-жа де Бофор не успокоилась, пока не добилась назначения на его место г-да де Рови. Он уж давно ухаживал за ней. Его первой должностью была должность контролера по проверке пропускных свидетельств во время осады Амьена. Потом его послали в податное ведомство для взимания всех денег, находившихся у сборщиков, и он проявил при сем отменную строгость. Той же строгости придерживался он при выполнении всех поручений. Поскольку он был весьма невежествен по части финансов, ему сопутствовал некий Анж Капель, сьер дю Люа, чудак, причастный к изящной словесности, который опубликовал гораздо позже, дабы позлестить г-ну де Сюлли, книжицу, озаглавленную «Наперсник»⁶ и приведшую в сильнейшее раздражение г-на де М'Эдигьера. Дю Люа по-

* У г-на де Санси был сын, состоявший камер-важом Генриха IV. Умавшись носить факел цепши, он раздобыл себе выходца. Король про то узнал и велел его выпороть. Сей паж всегда клялся *Pa la mort*, его прозвали Паламором.⁴ Это был довольно забавный юноша. Однажды на Орлеанской дороге он повстречал г-жу де Гимеле, направляющуюся в Париж. Ему надоело ехать верхом: погода была скверная; он сказал: «В долине Торфу водятся воры, позвольте вас сопроводить». — «Благодарю вас», — ответила дама. — «О, сударыня, — воскликнул он, — пусть же никто не смеет, что я покинул вас в беде!». С этими словами он опустил окошко и, как она ни возражала, влез к ней в карету. Как-то в Риме жена г-на де Брюссакса, бывшего там в ту пору посланником, направилась взглянуть на виноградники Медичи. Паламор, совершенно голый, стал в одной из них, в которой не было статуи: там есть галерея, сплошь уставленная ими. Человек этот впоследствии сделался отцом-Ораторванцем,⁵ и его звали отец Паламор. В келье у него находились лишь изображения святых на коне, таких, как святой Маврикий, святой Мартин и другие.

Другой сын г-на де Санси, который был посланником в Турции, стал тоже отцом-Ораторванцем. Однажды он заехал по пути в Кармелитский монастырь, основанный кем-то из его рода; монахики оказали ему такой же прием, как любому другому. Он на это посетовал; когда на обратном пути он снова заехал к монастырю, настоятельница захотелось исправить свою ошибку; но в ручейке ключей от ограды, и согласно приподнять свое покрывало были обставлены ею с великой таинственностью. Наконец покрывало приподнято. «Воистину, матушка, — сказал гость настоятельница, узрев ее весьма желтую физиономию, — очень нужно было так ломаться, чтобы показать лицо цветам личинкам! Опустите, опустите покрывало!». И он повернулся к ней спиной.